

*Пелевина
Катерина*

Молодежный роман

Тебя мне принёс
ФЕВРАЛЬ

Пелевина Катерина

Тебя мне принёс февраль

«Литнет»

2024

Катерина П.

Тебя мне принёс февраль / П. Катерина — «Литнет», 2024

– Я-то видел, что под этой дурацкой пижамой...– Чего? Ты ничего не видел, – мотает она головой, краснея, на что я усмехаюсь.– Брось. Твою задницу и грудь не так легко не заметить, как ты думаешь, – отвечаю, двигаясь за ней по всей кухне, словно кот, заприметивший рыбку. – Ну, погоди, куда ты...– Стой, где стоишь, Сизов! Тронешь меня, и я вызову полицию, – угрожает её тонкий голос, вынудив меня рассмеяться.– И всё же я был прав...Ты меня хочешь, – прижимаю её к кухонному столу, вынуждая приподняться на носочках, и оказываюсь прямо между её ног, которые трясутся по сторонам, пока я держу её за бедра. Шутка тут же перестаёт быть смешной...#разница в возрасте, #студент и преподавательСодержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог. Аня.	5
Глава 1. Дима	6
Глава 2. Аня	11
Глава 3. Дима	12
Глава 4. Аня	21
Глава 5. Дима	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пролог. Аня.

12 февраля

Сегодня первый мой день работы преподавателем. Я так этого ждала, а теперь стою как вкопанная перед зеркалом и не могу пошевелиться от страха. Меня зовут Аня, точнее, Анна Николаевна, мне двадцать три года, и я впервые официально трудоустроилась для получения опыта в сфере преподавания. Чтобы в дальнейшем, возможно, перейти в какой-то ВУЗ.

Мне вдвойне страшно, потому что сейчас не начало года, но мужчина, который ранее преподавал у них математику слёг в больницу с инсультом, поэтому это ещё большая ответственность, ведь мне предстоит преподавать в колледже, а там и экзамены при желании пойти учиться дальше в университет. Надеюсь, я никого не подведу своей неопытностью, ибо математику и всё, что с ней связано я знаю на «отлично» и даже более чем. Я закончила физико-математический факультет с красным дипломом, была одной из лучших на курсе, и сейчас мечтаю поделиться с детьми хотя бы частью своих знаний.

Нужно одеться строго, чтобы произвести определенное впечатление. Поэтому я скрываю свой сорок второй размер под плотным слоем одежды. Антонина Прокофьевна – директор сказала, что они неуправляемые и им сразу нужно показать, как со мной можно, а как нельзя. Но сейчас я всё равно трясусь как девочка в преддверии первой пары... Ещё и дел сегодня по крышку, не знаю, как со всем справлюсь. Маму в больнице надо навестить обязательно и отвезти ей тёплые вещи, она там мёрзнет. Всё-таки ещё зима на дворе.

Приезжаю немного раньше, готовлюсь и переодеваюсь. Не люблю носить плотные колготки в помещении, поэтому надеваю обычные капроновые чулки и туфли на небольшом каблучке. Я никогда сильно не крашусь, так что сейчас у меня тонкие короткие стрелки и бальзам на губах. Большим я себя не балую. Преподаватели ведут себя вполне дружелюбно и приветственно кивают, как бы одобряя мой внешний вид. Моя юбка приличная, я не собираюсь позволять себе вольностей. Преподаватель физики сразу же старается подружиться, но я держусь чуть отстраненно, потому что это – мужчина, а мне совершенно не до этого, ведь последние приносили мне только болезненные эмоции. Быстро достаю ведомость и следую к кабинету.

Захожу внутрь и торопливо пишу на доске своё имя, стараясь не смотреть ни на кого из студентов конкретно, потому что они реально поедают меня взглядами. И вовсе недружелюбно. Шепчутся, что-то обсуждают, а у меня в ушах шумит от них и жутко страшно. Так, что ком к горлу подступает и колени подкашиваются. Но я беру себя в руки и начинаю знакомиться с ними...

Глава 1. Дима

– Тебе не стыдно?! – слышу голос матери, раскидывающей перед моим лицом тетради. Ор стоит такой, что в ушах звенит. А должно быть? Чего стыдиться-то?

– Нет, – отвечаю сдержанно и совершенно равнодушно. Мать именно такая. Дай слабину – заклюёт. Не зря она адвокатом работает.

– Ты снова меня подводишь, Митя. Это уже в сотый раз! Родители той девочки в бешенстве, – нервничает она, расхаживая по комнате в истерике, пока я натягиваю джинсы и плююсь в зеркало. Надо бы пресс и бицуху подкачать, чё-т я как-то подсдал. Ещё месяца два назад намного крупнее был, даже стрёмно стало.

– В бешенстве от того, что их дочка всем ноги раздвигает? Так пусть не волнуются. Я не был у неё первым и уверен даже не пятым, – ухмыляюсь себе под нос. Грёбанная Алексеева. Наплела с три короба о своей репутации монашки до меня. Теперь мне оправдываться.

– В смысле? Ты уверен?

– Мам... Типа... Да, – ржу себе под нос, чуть ли не помирая со смеху. Не хочу объяснять матери, что она вытворяла с моим членом и в каких местах я у неё был. Это мерзотно. Но... Она должна знать, что я никем не пользовался. Мне такие проблемы не нужны.

– Ладно, мы с отцом всё уладим. Но в следующий раз, Дима... Будь, пожалуйста, аккуратнее, – мама кладёт ладонь на моё плечо, вынуждая вздохнуть и кивнуть, якобы соглашаясь. Хотя срать я хотел на аккуратность. И на послушание тоже.

Через неделю мне восемнадцать, осталось каких-то сраных три с половиной месяца. И всё наконец закончится. Съеду от родаков, заведу себе ещё парочку вредных привычек, помимо выпивки и сигарет. К чёрту всё.

Я – не любитель витать в облаках, да и родители наседают. Если буду следовать правилам, а именно – пойду на юридический, то поставлю наконец галочку напротив пункта «любимый сын» и смогу делать, что захочу параллельно учебе. Мой отец буквально спит и видит, чтобы я перестал быть для них головной болью. А я просто не могу себе этого позволить. Ведь если не я, то кто? Кто же станет сильнейшим разочарованием жизни Сизовых Алексея Дмитриевича и Екатерины Григорьевны? Правильно – раздолбай Митяй. Сын, отличившийся скверным характером и дурной репутацией.

Например, в колледже мне всегда не рады, а вот моим родителям – очень. Ведь они дохрена чего здесь спонсируют. Всегда желанные гости. А преподаватели бегают перед ними с фальшивыми улыбками и высунутым языком. Ненавижу притворство и лизоблюдство. Это ниже моего достоинства. Кстати, говоря про достоинство... И Алексееву... Это вышло чисто случайно по пьяни. Обычно я не сплю с давалками и шкурами, но если сильно приспичит, а в клуб ехать не хочется, приходится довольствоваться малым. Она знает моих родаков. Хочет поиметь что-то с меня. Только вот у меня есть как минимум четыре свидетеля, что она сама на мне висла, а ещё есть... Один небольшой компрометирующий видос, который я тут же направляю ей в виде сообщения. Пусть знает своё место и не рыпается.

«Урод», – приходит следом, и я лыблюсь. Весело. А нехер клеветать на нормального пацана.

«Кто кого поимел, Алексеева?» – присылаю в ответ, и она направляет мне «фак».

Я доволен своей жизнью, если не считать одного. 8 февраля 2020 года, который отпечатался на мне жестоким клеймом на сердце. День смерти моего старшего брата – Андрея. Я никак не могу прекратить думать о нём и его поступках. Он был другим. Отличался от меня и всегда старался научить уму разуму. Но я не понимал. Да и сейчас не до конца понимаю.

«Мужчина так себя не ведёт. Мужчина так не поступает. Он не ищет выгоду для себя, а помогает вопреки. Мужчина не сдаётся, а доделывает всё до конца. Мужчина должен забо-

титься о младших, о слабых. Должен всё делать для любимой женщины, как отец. Если нужно прогрызть зубами – прогрызает».

Что и кому должен? Почему эти слова должны быть основой моих принципов?

Его все любили. Ему верили. И родители им безмерно гордились, а не соответствующую ни единому их ожиданию.

– Митя, выходи уже! Я на работу опаздываю! – кричит мать из коридора, и я бегом хватаю свой пустой рюкзак. Домашку я не делал, так что мне с собой брать? Одной тетради должно хватить на все пары сразу. Нафига мне разные?

– Вечно тебя ждать приходится, – издевательски говорю, вызвав у мамы улыбку. Она даёт мне шуточный подзатыльник.

– Иди уже, оболтус, – бубнит себе под нос, закрывая за нами дверь.

Пока едем смотрит в зеркало заднего вида и мажет губы яркой помадой. Мама у меня хоть куда. Красавица. Я реально горжусь тем, как она выглядит. Даже мои друзья её хотят... Как бы ужасно это не звучало...

– Отец тебе подарок приготовил... – говорит она, а я переписываюсь с Женькой. Это мой лучший друг. Мы с ним оба вот такие. Распиздяи, заводилы.

Хмыкаю себе под нос, не поднимая взгляда. Неинтересно.

– Мить... Тебе понравится... – продолжает она, но я давно перестал вестись на эти манипуляции. Просто, ну чем они могут меня удивить?

– Если это не Порш, сомневаюсь, – вякаю и тычу на экран, но в ответ слышу загадочное молчание. Да ладно? – Серьёзно?

– Серьёзно... С салона. Прошлого года. Какой хотел, – твердит мама, заставив меня сиять как бриллиант на солнце.

– Ты мне настроение подняла... Возможно, я даже принесу домой пятёрку, а не сифилис, – улыбаюсь, на что мама качает головой.

– Тсссс... Не болтай. Не разочаровывай отца, ладно? – спрашивает она, заставив меня растянуть губы. Какой я хуёвый сын. Ёбушки воробушки.

– Ладно, – буркаю, открывая дверь, и вылезая из тачки. Боже, да сегодня буквально лучший день в моей жизни! Нет... Он будет тогда, когда я прикачу сюда на своём дорогом огненном авто. Я пялился на него с прошлого года и пускал слюни, но отец говорил, что не дорос. Может он понял, что я уже давно не мальчик? Один хрен, крутой подарок на восемнадцатилетие.

Возле кабинета толпа моих одноклассниц вновь со слюной у рта начинают меня обсуждать, пока я прохожу мимо с видом альфа-самца. Мне нравится наблюдать как эти курицы шепчутся обо мне и моих похождениях. Захожу в аудиторию и небрежно швыряю рюкзак на пол, глядя на Женьку, который бросает взгляд в сторону доски, и я замираю. Это ещё кто?

– Новая математичка, – шепчет он, пока я её рассматриваю. Это что-то из разряда фантастики. Вы издеваетесь? Какая, нахрен, математичка? Не произношу ни слова, а всё ещё плююсь на неё как ненормальный. Юбка карандаш до колен и белая полупрозрачная блуза за плотным жилетом, подчёркивающим идеальный склад хрупкой фигурки начинают разыгрывать моё взбунтовавшееся воображение. Ноги, будто от ушей, но она невысокая, не размалёванная модель, а простая девушка... Лет двадцати отроду. – Огонь, да? – добавляет Женёк, пока я продолжаю фантазировать и лишь глупо киваю, понимая, что время подошло и внутрь заходят все, включая сучку Алексееву. Но мне вообще не до неё.

Девки смотрят на новую преподшу с завистью, парни со слюной у рта, а я вообще молчу, будто впервые пришёл на исповедь в церковь и боюсь сгореть от своих грехов прямо здесь и сейчас. Откуда она такая? Слишком шикарная, чтобы быть правдой. Может я ещё сплю?

Она оборачивается и тут я понимаю, что пропал. Окончательно и бесповоротно. Девушка тонким голосом представляется нам.

– Итак, меня зовут Анна Николаевна, я буду заменять Павла Леонидовича до конца года по сложившимся обстоятельствам, – заявляет она, заставив моё сердце в груди биться чаще. – Кто-нибудь озвучьте мне тему, которую проходили на прошлой лекции.

К ней тут же тянутся наши ботаны, представляя тетради и помогая выстроить ход лекции, а я всё ещё потерян, как щенок перед её строгим взглядом. Вообще не понимаю, что со мной, нахер, такое.

– Давайте сегодня к доске никто не пойдёт, потому что мы только знакомимся, но я бы хотела обговорить с вами, что хоть я и новенькая, я не потерплю прогулы, отсутствие выполненных заданий и хамство в мой адрес, прошу усвоить это сразу. Тем более перед возможными экзаменами, ведь вы должны понимать, как это не просто... – озвучивает она, написав на доске новую тему. – Продолжим.

Почти всю пару я смотрю на неё как придурок и не могу отвести глаз, испытывая чисто эстетическое удовольствие. От её губ, которые шевелятся, когда она произносит эти ужасные слова, которые мне приходилось слушать весь прошлый год от старой корги Агаты Семёновны. «Интегрирование, логарифмы, дифференциал». Меня аж трясёт, как хочется, чтобы её губы коснулись моего...

– Ну, ты идёшь? – спрашивает меня Жека, я смотрю по сторонам и понимаю, что все уже собираются, а я всё ещё лежу на столе как приклеенный и не могу пошевелиться. Не слышу ни хрена и вообще витаю в облаках, будто обдолбался экстази.

– Ща, ты иди... – гоню его на выход, схватив рюкзак, и задерживаюсь, в наглую склонившись перед её столом, когда она поднимает на меня свой недоумевающий взгляд. Блядь, какая красивая. Безумно красивая. Кареглазая, волосы подстрижены под каре, пухлые губы, чистая гладкая кожа, ресницы такие длинные и будто вообще не накрашенные. Просто преступление быть преподшей с такой внешностью.

– Вы что-то хотели? Молодой человек, – спрашивает она надменным тоном. – Если нет, освободите кабинет и не нарушайте личное пространство.

– Я много пропустил, – говорю, положив ладонь на столешницу возле её руки, и она тут же отдёргивает свою. – Можно мне факультатив?

– Извините... Как Вас?

– Сизов Митяй, – представляюсь, и она находит моё имя в ведомости, поставив точку над ним. – Это что? Особые привилегии? – улыбаюсь как чёрт, но она явно недовольна моим поведением.

– Нет, Дмитрий, список неугодных мне студентов, – заявляет она, указывая на дверь. – Факультативы я не провожу. Придётся заниматься на парах, если хотите не завалить экзамены и поступить в приличный университет.

– А ты что закончила? – спрашиваю, вызвав у неё возмущение. Маленькие ноздри раздуваются от злости на мою наглость.

– Не «ты», а «Вы»! – рявкает она, заставив меня рассмеяться. Она прям как маленькая собачка, которая тявкает почём зря.

– Извини... Просто тебе не идёт это выражение лица. Ну... Сколько тебе? Это же смешно, разница между нами ерундовая и мы уже не на лекции, – говорю, заставив её демонстративно встать и процокать каблуками к двери. Смотрю на её виляющий зад и совсем теряю голову. Блядь, как можно было такой уродиться-то?!

– Вот выход, – говорит она, скрестив руки на груди, я смотрю на её деловой вид и улыбаюсь. Интересно, как быстро она сдастся мне?

– Юбка – огонь... Да и ты тоже... – разглядываю её ноги и колени, отчего её щеки начинают пылать яркими красками. – Ладно... Недотрога... Я пошёл. – говорю себе под нос, огибая её стройное тело своим. Она меня меньше раза в полтора точно, но я специально не нахожу

места развернуться, чтобы задеть её, отчего она отлетает в сторону от меня, будто ужаленная. Монашка, блин.

Выхожу оттуда в растерянных чувствах. Вроде и выебать её хотелось, и почувствовал себя каким-то долбоёбом, что не закончил начатое. Когда там у меня математика в следующий раз? Впервые ищу расписание на неделю, чтобы прийти в тот день, а не наоборот. Завтра. Ок. Точно приду.

Убираю телефон в карман и ко мне подлетает Женька.

– Капец... Ты чё ей вдул? – ржёт он, заставив меня занервничать. Со мной вообще такое впервые. Что за хрень?

– Нет, – отвечаю, глядя на часы. – Чё у нас сейчас?

– Английский.

– Ладно, идём, – следую за ним по коридору и думаю о том, что мог и хотел с ней сделать. Только вот она бы мне явно не отдалась так просто, уж больно строптивая. Из тех зубрилок, которые считают себя важными и недосигаемыми.

Женька рассказывает, как вчера весь вечер в «контру» рубился, а я слушаю краем уха, прокручивая в голове слова преподши. Такая сердитая девочка. Интересно, на сколько она меня старше?

Кое-как досиживаю до третьей пары. Нет уж. Такое частое посещение точно не по мне. Надо в тренажёрку сходить, да и Жека со мной согласен. Поэтому на физику мы не идём, а направляемся напрямик в центр давать телу заслуженную нагрузку.

Всю дорогу трещим, и я рассказываю, как имел Алексееву и что она родителям сказала. Жека ржёт, как конь, и я качаю головой.

– Во дура, – констатирует он, вспоминая сегодняшний день в колледже. – Завтра придешь на пары?

– Очевидно, да... Я походу того. Запал, – смеюсь, вытирая пот со лба своей майкой. С меня уже просто потоком льётся. Пора завязывать, мышцы огнём горят.

– Да там половина группы запали, – задумчиво говорит он, вздыхая. – А мне бы от Светки ответ получить.

Речь идёт о девчонке-первогодке, с которой Женька в лагере летом отдыхал. Она его динамит, потому что маленькая ещё. Пятнадцать ей и боится его как огня. Бегаёт туда-сюда по коридору, а он и не знает, как её выпепить.

– Мелкая она ещё. Зависни с кем другим, – пожимаю плечами, хоть и сам понимаю – легко говорить. Во всяком случае мне точно. Я не влюблялся ни разу в жизни и никогда не был в серьезных отношениях.

– Ага, – буркает он себе под нос, и мы решаемся закончить тренировку, направившись по душевым кабинам.

После тренажёрного я направляюсь домой, надо бы родителям глаза помозолить. Какой я хороший сын и всё такое. Вьюсь возле матери вечером, рассказывая о том, как хочу выпускной отметить, а она слушает, крася ногти и читая параллельно дело по новому иску.

– Работа? – спрашиваю, подкидывая виноград над столом.

– Да нет, я слушаю, всё нормально. Я готова, – улыбается она, вникая в мой рассказ. – А что Женя говорит? Вы решили насчёт поездки в Европу?

Европа... Блин... Хочу туда, но что-то пока вяло. Хотя в Амстердам я бы отправился хоть сейчас. Город разврата – моя мечта. Мне бы там точно понравилось.

– Хрен знает, он пока не решил...

– Дима. Прекрати так разговаривать. Я – твоя мать вообще-то, – поправляет она меня, и я улыбаюсь.

– А по тебе и не скажешь... Ты у меня как старшеклассница, – льстиво произношу, заставив её расплыться в ухмылке.

– Ах ты... – сжимает она мою щеку и случайно пачкает меня лаком. – Ой...Извини, сынок...

– Ну вот... Эти ваши бабские штучки, – говорю шутливо, и она обидчиво щурится на меня, указывая на дверь.

– Всё. Иди к себе. Будешь ещё обзывать! – выгоняет, пока мы оба смеемся. Я люблю свои отношения с ней, даже если часто перегибаю палку, и она может реально на меня наезжать, но я точно знаю, что она любит меня. И не за что-то, а просто потому что я её сын.

Следую к себе и переписываюсь с какой-то девчонкой в «Тиндере». Симпатичная, но что-то из головы не выходит эта Анна Николаевна. А ведь она реально очень красивая. Наверное, учись она в нашем колледже до этого или, к примеру, в моей школе, я бы давно заметил. Скорее всего, она не отсюда.

Даже ехать никуда сегодня не хочется, хотя собеседница настойчива, и я сам не замечаю, как засыпаю при включенном ноутбуке.

Глава 2. Аня

Что за день сегодня такой? Из рук всё валится. Не могу сосредоточиться. Всё наперекосяк. Вспоминаю эти хищные взгляды, да ещё и самоуверенность этого наглого мальчишки, и меня всю трясёт. Не знаю, как буду преподавать у их группы. Я явно не готова, чтобы меня каждый день вот так донимали. Надеюсь, это разово. Да и я видела ведомость, ходит он на пары редко, думаю, с моим появлением ничего не изменится. Остальные студенты вроде кажутся нормальными.

Собираюсь на пару. Вчера навестила маму и приняла твёрдое решение, что добираться после работы очень далеко и неудобно, особенно с вещами на руках. Нужно обязательно перевозить её в центр «Здоровье» поблизости. Да, это платно и будет стоить больше половины моей зарплаты, но я как-нибудь справлюсь. Я же решила. Я взрослая!

«Я понял, завтра в шесть», – пишет мне сообщение мой парень, пока я собираюсь на работу. Надеюсь, что это правда. У меня хотя бы появляется надежда, что всё пройдет не так сложно, хоть и смутная. Потому что сколько бы я не сталкивалась с проблемами, Игорь неизбежно бросал меня разгребать их самостоятельно.

– Я готова, – шепчу себе под нос и слышу уведомления от приложения «Такси». Ответить почему меня не возит мой мужчина не могу. Ответа просто нет. Лишь пустые обещания. Сама машину я не вожу, просто потому что панически боюсь сесть за руль и сбить кого-нибудь. Этот страх мне не осилить, по крайней мере сейчас точно. Хотя это решило бы многие мои проблемы.

Выбегаю из дома на морозную улицу и тут же усаживаюсь на пассажирское сиденье. Не успела выбежать – уже замерзла. Так со мной постоянно. Молодой парень за рулем улыбается мне, а я стараюсь быть вежливой в ответ, тоже натянув на себя маску дружелюбия, хотя мне сейчас совсем не до улыбок.

Как жаль, что рядом больше нет моих друзей. Я всегда была общительной девушкой, хоть и довольно скрытной. Но мой лучший друг и подруга остались в Новосибирской области, где я и выросла, в процессе уехав за своим парнем. Теперь при малейших трудностях я понимаю, что рассчитывать приходится только на себя. Изредка мы созваниваемся, но со взрослением и работой времени остаётся всё меньше. Плюс моя подружка Света недавно родила, и всё, что я успела – выслать ей подарок по почте и поздравить видеозвонком, потому что не смогла вырваться в поездку к ней, а малыша очень хочется увидеть и поддержать на руках.

Сейчас еду на работу и вспоминаю, как всё-таки было беззаботно и легко в возрасте восемнадцати лет. Когда всё было впереди. Когда казалось, нет неисполнимых фантазий и мир сам готов пасть к твоим ногам, а не ждёт, когда ты облажаешься и впечаталешься мордой в грязь. Мои студенты реально напомнили мне об этом. И когда такси подъезжает к воротам колледжа, я даже не замечая этого, но водитель быстро возвращает меня в реальность...

Глава 3. Дима

Ранним утром мать дёргает за ногу, а я ёрзаю по кровати, пытаюсь спрятаться от неё под подушкой. В том числе скрывая стояк, которым можно дыру в матрасе проделать. У меня так каждое пробуждение.

– Ну давай ко второй, плиииз, – умоляю, зарываясь в одеяло, а мама с пристрастием раскрывает шторы, чтобы в окно проникло это дурацкое солнце и выбесило меня ещё сильнее. Я терпеть не могу вот так просыпаться. Люблю валяться в темноте и долго думать о том, что ждёт меня в течение дня.

– Всё. Давай, – хлопает она в ладони. – Завтрак на столе.

– Ладно... Щаааас, – стону себе под нос, и она выходит, оставив меня злиться в освещённой комнате. – За что?!

Кое-как уговариваю себя встать и пойти попить кофе. Всё тело ломит после тренировки. Не чувствую рук и ног. На телефоне куча сообщений от каких-то Снежаны и Марьяны, а я просто вырубился, забыв о том, что начал флиртовать сразу с двумя. Ладно, похрен. Прорвёмся.

Собираюсь, вижу отца, который быстрее пули собирается в свой офис. Мать помогает ему застегнуть рубашку, и они мило беседуют, пока она сдувает с него пылинки. Мне бы такую любящую адекватную женщину. Капец ему повезло. Или же это не везение, а плодотворный труд над отношениями? Умею ли я быть таким же?

Собираюсь в колледж, решив надеть на себя чёрную футболку с V-образным вырезом, пусть преподша на руки пялится, не зря же я вчера их раскачивал. Вены виднеются, и я понимаю, что тот ещё нарцисс, но что поделать. Этому меня мать научила. Слишком часто комплименты делала, теперь я думаю, что все особи женского пола меня хотят.

Сегодня математика третьей парой, а пока я вынужден терпеть душниту по литературе, под гудение которой можно сдохнуть от скуки. Сидим с Жекой в телефонах и пересылаем друг другу разные мемчики. Ржём, пока Васильева рассказывает какой-то стих, наполненный соплятиной и вздыхает, глядя на Жентоса. Я уже не могу сдерживаться от этой романтики. Жека бьёт меня в плечо, а я готов выплюнуть свою селезенку до того мне смешно.

– У тебя дыхательница, – смотрю на него, а он растягивает губы. – Жаль Светка твоя не видит. Сразу бы опомнилась.

– Да не говори, – он хмурится, вновь уставившись на экран печальным взглядом, а я начинаю испытывать тремор сразу, как только раздаётся звонок. Что это ещё такое?

Представляю, что сейчас вновь увижу Анну Николаевну и по коже какая-то непривычная мне дрожь. Будто боюсь этого или просто волнуюсь.

Поднимаюсь на второй этаж и захожу в аудиторию вслед за остальными, с порога прожигая её взглядом. Вновь стоит в своих чулочках и туфельках, плотно сжимая ноги у доски. Хотелось бы мне раздвинуть их прямо сейчас... Пока разглядываю её, замечаю, что и уродец Трофимов её разглядывает, расстелившись на первом ряду. Убил бы нахер, да сидеть за него не хочется. Кусок говна.

– Конкурент у тебя, – издевается Женька, и я ехидно растягиваю губы в ответ на его колкость.

– Один-один, – отвечаю, сбросив рюкзак на пол. Она вьется возле доски как маленький ужи и наконец садится за преподавательский стол поближе к группе, а я рассматриваю её, пуская слюни. Девки шушукаются, а Трофимов всё не унимается.

– Анна Николаевна, может, я жалюзи закрою, чтобы Вам не светило, – предлагает он, заставив меня приподнять брови. Вот ведь услужливый гондон.

– Да, спасибо, если не сложно, Алексей, – говорит она ровным тоном и смотрит в учебник, жмурясь от ярких лучей. Алёша, блядь. Ещё запомнила, как его зовут. Кулаки чешутся. Так бы и прописал ему леща, а может и двух.

– Чё... Опять его отпиздишь? – ржёт надо мной Женька, а мне далеко не до смеха. В прошлом году я раз ему треснул, так он чуть пополам не раскололся. Но у меня причины были. Ибо он – хренов стукач, который завучу спалил, что я бухой на паре сидел. Теперь он меня за километр обходит и ссыт со мной связываться.

– Да нахуй надо. Ща сам отвалит.

Хватаю телефон и пишу ему сообщение.

«Ещё слово Анне Николаевне, я тебя прямо тут раскатаю», – присылаю ему, и он тут же оборачивается на меня, сжимая в руках телефон. – «Сдристнул назад».

Не проходит и секунды, как место освобождается, а Жека продолжает хохотать. Математичка даже не обращает внимание на перестановки, которые происходят до начала пары, а лишь категорично смотрит в методичку, будто если она взгляд отведет случится катастрофа. Но когда мы слышим звонок, её острый подбородок приподнимается и наши с ней глаза встречаются при этом отвратном звуке. Смотрит на меня, так и знал. Не зря надел футболку. Зацепилась, причём сильно. Облизываю губы, и она тут же отводит обеспокоенный взгляд в сторону.

– Доброе утро. У меня сегодня к вам предложение, – говорит она, встав из-за стола.

Надеюсь, предложение всем разойтись, а Сизову задержаться с ней наедине.

– Давайте мы немного вникнем в тему производных простыми словами. Мне хочется как-то проще донести до вас материал, – продолжает она, и Алексеева что-то недовольно бурчит на своем ряду. Хочется её нахер отправить. Просто за то, что поперек встречается, порой она реально заслуживает. Шмара, блядь.

– А, давайте, – поддерживаю преподашу, но она даже не смотрит на меня, зато смотрит на ебучих ботанов с первых рядов. Как же они бесят. Ладно, хрен с ними. Григорьев нормальный. Обычный парень, любящий подрочить на свою зачётку. Не осуждаю. Каждый развлекается как может.

Преподаша начинает читать лекцию своими словами, а я витаю где-то в облаках, глядя на её слегка покрасневшую коленку. Она сидела, закинув ногу на ногу под столом и на нежной коже остался небольшой след, а это разыграло моё воображение настолько, что теперь я думаю, будто она стояла передо мной на своих коленях, оттого они и покраснели.

Кажется, она замечает, что я смотрю. Потому что опускает взгляд, и её щёки вдруг становятся пунцовыми. Девчонка тут же дёргается, отвернувшись от меня к доске. Вынужденно улыбаюсь, как Дьявол, потому что мне пиздец нравится, как она жмётся от меня.

Она кое-как доводит пару до конца, прячась от меня то за столом, то возле доски. Её голос перестаёт быть таким уверенным, когда я мысленно раздеваю её глазами. По одной, сука, детали... Аккуратно и не спеша. Чтобы мы вдоволь могли насладиться этой фантазией, горящей в моих глазах.

– Все свободны, – объявляет она, пока Наташка с первого ряда благодарит её за такую интересную лекцию. А я всё жду, нарочно дожидаясь, когда все покинут помещение и оставят нас для очередного обмена «любезностями».

В кабинете на секунду воцаряется мёртвая тишина, и она поднимает на меня свой сосредоточенный взор, пытаюсь понять, что мне от неё нужно.

– Сизов, ты опять? – спрашивает она с равнодушным лицом. Я беру стул и в наглую ставлю его напротив, присев перед ней и вытянув перед её лицом свои руки.

– Я видел, как ты смотришь, – шепчу, улыбаясь, на что её брови приподнимаются. Слегка влажные губы будто зазывают меня к себе. И даже через возмущение я восторгаюсь её выдержкой. – Твоё лицо покраснело...

– Дмитрий, иди на пары, – сердито говорит она, складывая вещи в сумку.

– Хочу дотронуться, – тяну свою руку к ней под стол, секундно касаясь её гладкой кожи на колене под тонкой тканью чулков, и она истерично дёргается, соскочив со стула в возмущении и прижимая ведомость к грудной клетке. Ноздри раздуваются, и она как загнанный в угол олененок Бэмби. Глаза как два круглых уголька, и сердце, видимо, стучит со скоростью света, будто её никто никогда не касался.

– Тебе это с рук не сойдет! – нервно произносит она и пулей бежит к выходу, а вид у неё такой, будто я не до колена её дотронулся, а до промежности. Паникёрша, блин.

Качаю головой и смеюсь, закидывая рюкзак на плечо. Глупая женщина не понимает, от чего отказывается. Это же просто игры такие. Шалости, блин.

Выхожу следом за ней, а в коридоре ждёт Женёк с Вованом Горчилиным из параллельной группы. Перекидываемся парой дежурных фраз и жмём друг другу руки.

– Ну чё... Идёшь на следующую? – спрашивает меня Жека, и я только сейчас вспоминаю, что завтра у родителей годовщина, а я хотел купить им подарок. Тем более, раз уж отец решил расщедриться на дорожную тачку.

– Не-а... Прикроешь? Мне в одно место надо, – прошу, на что друг кивает и быстро исчезает в толпе вместе с Вовкой, пока я гадаю, как добраться до центра побыстрее.

Бросаю все дела и еду в «торговчик» на такси. Погода стоит такая, что врагу не пожелаешь, снег валит уже вторую неделю. Гадость какая-то. И это февраль блин... Андрюхину годовщину я пережил... Так уж вышло, что почти все важные события нашей семьи выпадают на чёртов февраль, чтобы мне реально было эмоционально тяжело в этот месяц. И я почти всегда хандрю. Мама знает это и терпит... А отец... Отец, кажется, разочарован, но боится потерять единственного оставшегося сына, хоть и раздолбая.

Доезжаю до центра, встречаю там друзей, забываю про подарок, бухаю как не в себя и не появляюсь в колледже два дня как вишенка на торте. Прекрасно, Митя. Красавчик! Просто пример для подражания!

Какая-то блядь скачет на мне вторые сутки, а я лишь успеваю открывать глаза и толкать ей пальцы в рот, показывая, кто здесь главный. Чтобы не забывала, кто кого имеет. На всякий случай.

Прихожу домой ещё через день с видом мертвеца. Мать зла, отца нет. Кажется, я реально повёл себя как мудозвон, но не мог упустить соблазн забыться в этот говняный февраль. Не поздравил, нажрался и потерялся. Наверное, мать меня скоро на костре сожжёт.

– Митя... Ты опять... Я уже не выдерживаю...

– Мам, я знаю... Я всё исправлю, ладно? Я пойду в колледж и... – глажу непослушные волосы, но меня перебивают.

– И что? Будешь подбивать клинья к преподавателю?! На тебя уже написали жалобу, – заявляет мать, вызвав у меня ступор и недоумение. Вот ведь сучка.

– Ты сейчас серьезно? Какую, нахер, жалобу?!

У меня слов нет. Я нихрена такого не сделал, чтобы жалобы на меня писать.

– Не ругайся! Новая преподаватель по математике утверждает, что ты ведешь себя похабно, хамишь, да вдобавок позволяешь себе лишнего, – говорит она, стиснув челюсть. – Отец разгневан. Он в бешенстве эти дни.

– То есть... Он...?

Всё, чего я боюсь, это то, что он передумает покупать мне Порш. Да, я – хреновый ребенок. Ибо на остальное мне начихать.

– Он не знает, что с тобой делать. Я тебя предупреждала, Дима. Не расстраивай его. Тем более перед своим Днём Рождения! А вчера ты вообще позабыл поздравить нас...

– Да помню я... И про восьмое помнил, – опускаю болезненный взгляд и внутри жжёт. Сука, ненавижу это чувство. Только оно не поддается контролю. У матери слезятся глаза, и я обнимаю её, прижимая к себе. – Всё... Прости меня. Я исправлюсь...

– Дима... Андрюша же заботится о тебе оттуда, я тебя уверяю... – хнычет она мне в плечо.

– Нет, мама... К сожалению, всё это хрень, – сдавленно говорю, глядя её волосы. Не помню, когда мама стала такой маленькой. – Ты что, похудела?

– Нет, глупый... – шмыгает она носом. – Просто ты стал большим... И так давно меня не обнимал...

Мне стыдно. Реально стыдно. Ощущаю себя дерьмовым сыном, но то, что вытворила та стерва не укладывается у меня в голове. Пару фраз, а она уже жалобу накатала. Было бы за что?! Ладно бы хоть придавил её к столу или попку потрогал...

– Пойду в колледж, – говорю маме, плетясь в комнату. Закидываюсь аспирином. Башка трещит, тело ломит. Быстро моюсь, собираю вещи для тренировки по футболу. Правда не знаю, как вынести её после такого длительного запоя, да и физрук, наверное, меня на херах оттаскает, меня там точно недели три не было. И уже завтра мой День Рождения, а отец скорее всего больше не хочет дарить мне подарок мечты. Из-за этой гадины. Смотрю в телефон, сегодня нет её дисциплины. Да похер. Приду к ней так и научу манерам. Совсем уже охуела.

Добравшись до колледжа, тяжёлыми шагами подхожу к кафедре и смотрю расписание Анны Николаевны... Низовцевой. Хочется придавить её к столу за такие выходки или сделать ещё похуже.

Топаю к двери её кабинета в состоянии полного раздрая и ненависти и натываюсь на неё, стоящую в кабинете возле окна и истошно роняющую слёзы. Как только она видит меня, тут же утирает их, заставив меня нахмуриться. Кажется, этот февраль не щадит никого из нас. Хочу сказать какое-то дерьмо, поругаться с ней, но язык не поворачивается. Как вообще такое может случиться со мной?! Обычно я легко отстаиваю себя и доходчиво объясняю всё своим недоброжелателям. Но тут...

– Чего тебе, Сизов? – спрашивает она, направившись к столу, пока я всё ещё стою на пороге. Голос дрожит, но она хочет показаться уверенной и сильной. А я снова разглядываю её. И она снова красивая. В тёмно-зелёном платье на пуговицах, которые тянутся до самого подола. Стоял бы вот так и расстегивал их одну за другой, но вид у неё такой печальный, что я даже думать об этом не могу.

– Рад, что запомнили, – говорю стальным тоном, подходя к ней ближе. – Что у Вас случилось?

– Это не твоего ума дело, – грубит она, уставившись в блокнот, и я роняю взгляд на её руку. Это что... Его ведь не было в прошлый раз. Какого хрена?! Я бы заметил, блин.

– Не понял, – недоумеваю, обхватывая её кисть, отчего она в мгновение вырывает свою руку.

– Ты совсем уже, мальчик?! – не стесняется она в выражениях, заставив меня вскинуть брови вверх. Не знаю, что меня так шандарахнуло, но я будто заряд тока словил сейчас.

– Это чё такое? Когда успела-то? – спрашиваю и реально злюсь. Бред какой-то. Знаю её без году неделю, вижу в третий раз, и устраиваю сцены ревности из-за обручального кольца, которое больше похоже на сраную проволоку. Вообще какая-то дичь.

– Выйди из кабинета. На этот раз, Сизов, тебе реально... – она вдруг теряет дар речи, сжав в тоненькой руке ручку. Её трясёт, пока я смотрю на неё со стороны и хмурюсь. Маленькая голова, рухнув на руки, начинает рыдать, пока я стою и молчу, рассматривая её затылок.

– Анна Николаевна... Реально, – шепчу, пытаюсь подобрать слова. Я всегда не любил, когда плачет мама. Мне было больно. Но другие девушки никогда не вызывали у меня чувство жалости... А вот эта Анна, мать её, Николаевна... – Что произошло?

– Я просто прошу тебя выйти из кабинета, Сизов. Я очень тебя прошу!

Разрываюсь между тем, чтобы послушать и узнать в чём дело, но слушаюсь, как последний щенок и ухожу оттуда прочь. Хватаю сигарету и закуриваю прямо на выходе, пока географичка не кричит на меня в истерике, срывая голос до боли, чтобы я прекратил курить на территории колледжа. Двигаюсь дальше. Намного дальше оттуда. Эта чертова погода меня раздражает. Меня, блядь, всё здесь раздражает.

Мечусь от состояния тревожности. Из-за матери, из-за отца, из-за этой странной девушки, которая не вылезает из моих мыслей. Всё настолько хреново, что хуже некуда. Весь день я перебарываю себя, чтобы вновь не найти её и не наговорить лишнего. А это я умею. Поэтому лучше мне держаться подальше, ибо и так всё до невозможности по-идиотски. Но одно я знаю точно – чтобы получить подарок от бати, нужно извиниться. Что я и делаю, прокрадываясь словно лис в его кабинет поздним вечером. Разговор по душам длится долго. Отец пьёт виски и даже наливает мне.

– Тебе уже восемнадцать, – смотрит он на часы и мы звеним стаканами. – Берись за ум.

– Постараюсь, – отвечаю, выпивая горькое пойло и не закусывая. Что мне эти сорок, когда я регулярно имею дело с абсентом.

– На, – тянет мне он ключи, и я сжимаю их в руке так крепко, что чувствую хруст своих ожиданий. Бляяаяаа...Мой, сука, личный Порш... – Но никогда не садись пьяным за руль, идёт?

– Идёт, – говорю, улыбаясь. – Завтра на ней поеду...

– Едь, я пока займусь документами, – отвечает, и я не выдерживаю, обнимая его, и хлопаю по спине.

– Спасибо, батя...Это реально то, что мне надо...

– Рад хоть в чём-то тебе угодить, – смеётся он, хмыкнув. – А теперь вали спать. Завтра в колледж. Отмечать в субботу будем.

Слушаюсь и покидаю его кабинет. Мама давно спит, а я тут же незаметно спускаюсь на парковку и бегу к своей новой красавице, отправляя фотографии Женьке. Это просто, сука, нечто. Мечта идиота...Друг в ахуе. Он и не думал, что батя сдержит слово, но я то знал, что получу его.

Утром же приезжаю на нём в колледж. В этом месте такой тачки нет ни у кого, и это ещё сильнее греет мне душу. Пока девки толпятся возле неё и обсуждают, я прохожу мимо них. Кто-то вешается на шею и поздравляет, а я даже не помню их имен. Жека жмёт руку и хлопает по спине, спрашивая, когда будет туса, но мне нужно некоторое время побыть хорошим ребенком, поэтому уваливаю от ответа.

Иду дальше мимо кафедры и вижу в дверях испуганную Анну Николаевну.

– Привет, – говорю, разглядывая её странный вид. Сегодня она в строгом костюме и пуговицы рубашки закрывают весь доступ к её сиськам. Настолько зажатая, что вокруг летают молнии.

Она дёргает меня за руку и отводит в сторону, глядя разгневанным взглядом.

– Слушай, Сизов...То, что ты видел не делает тебя моим другом, понятно? Поэтому просто не пропускай занятия и...

– Тебе уже лучше? – спрашиваю, не дав ей возможности закончить.

– Ты так и будешь себя вести, да? – она недоумевает, насупившись. – Мы с тобой – преподаватель и студент. И нужно соблюдать субординацию.

– У меня встал на тебя...Реально. Прямо сейчас, – говорю без зазрения совести. Когда она это говорит, я вообще перестаю себе принадлежать, но она разочарованно разворачивается и направляется к кафедре. – Ань...Анна Николаевна...Извини...те...Я буду ходить на пары, обещаю. – добавляю ей вслед, и она оборачивается, кивая. – Кстати...У меня сегодня День Рождения.

– С Днём Рождения, Сизов, – равнодушно отвечает она и исчезает за дверью, оставив меня стоять там и млеть от того, как сильно я рад именно её скупому поздравлению. Придурок.

Все пары проходят с мыслями о ней. И я кое-как доживаю до пятого, где представляю, как луплю её указкой по заднице... Господи, что с моей головой? Мне кажется, я конченный извращенец. С того момента, как драл Алексееву, а потом и ту шмару на хате у Дениса, не могу смотреть ни на кого другого. Хочу преподшу так, что фляга свистит, а мне ещё нужно экзамены сдавать. Да, в математике я разбираюсь, но тогда, когда кровь приливает к голове, а не к члену. Это реально мешает думать.

Она сидит с журналом в руках, скрещая свои ноги под столом. Даже в таком строгом одеянии я мечтаю нагнуть её прямо здесь и драть, пока нас не выгонит уборщица, размахивая тряпкой, и кричать непристойности.

– Раз уж сегодня День Рождения у одного из нас, может... Он и пойдет к доске? – предлагает она, на что ребята начинают свистеть и хлопать в ладони, поздравляя меня. Она недоумевает такой реакции, но это я – звезда группы. Меня здесь ценят за деньги и веселье. А девчонки ещё и за член порою...

– С радостью, Анна Николаевна, – соглашаюсь, подходя к доске, и брезгливо беру интерактивную ручку. Терпеть не могу это всё. Она задает пример, и я смотрю на неё искоса.

– Проблемы? – спрашивает она меня, улыбаясь, и я качаю головой, отворачиваясь обратно к доске и начиная писать. Деловая. Хотела меня пристыдить. Тимоха за первым рядом шепчет ей, что мы это не проходили, а я ухмыляюсь, потому что весь прошлый год провел с репетиторшей по математике, да я про неё уже говорил... Агата Семёновна. Взрослая тётка, преподающая высшую математику в МГУ била меня по рукам, если что было не так. А я хотел получить от отца поездку в Доминикану и тот самый авто, что теперь имею под окнами этого убогого места. Что мне ваши диффуры, Анна Николаевна?

Она поворачивается и смотрит на меня так, что её рот приоткрывается. На щеках румянец, а от усмешки не остается и следа.

– Что такое? Проблемы? – уточняю у неё, чтобы зубрилка не считала себя умнее всех.

– Нет, Сизов... Это отлично... Я... Садись, пожалуйста, – недоумевает она, пока вся группа снова не начинает хлопать в ладоши, и уже тут ей приходится их успокаивать, иначе они могут сорвать лекцию.

Кое-как доживаю до конца и у меня есть план. Я вновь целенаправленно двигаюсь прямо к преподавательскому столу. Её телефон лежит на нём, и он в такой опасной близости от моей руки, что мне не терпится сделать с него звонок на свой.

– У тебя жених есть? – спрашиваю, нависнув над ней, пока она собирает со стола документы.

– Да, есть, пара закончилась. Всего доброго, Дмитрий, – говорит она с высокомерием, даже не поднимая на меня свой упрямый взгляд.

– А чего раньше не сказала? И почему плакала?

– Сизов... – более грубо повторяет она. – Ты меня не слышишь? Не задерживаю. – отворачивается она за сумкой, и пора действовать.

Я торопливо сгребаю её мобильник и выхожу из кабинета, откинувшись к стене, а мимо как раз идёт Настька Арефьева, которая влюблена меня с класса восьмого. Мы вместе учились. Я точно знаю. Снимаю телефон с блока. Ура. Пароля нет, и я быстро делаю дозвон, увидев заветные цифры на своём экране. Тебе пиздец, Аня...

– Слушай, отдашь Анне Николаевне, скажи, пожалуйста, что случайно с пола подобрала, подумала, что твой, ок?

Арефьева даже не шевелится. Я впервые с ней поговорил года за два точно. Но времени церемониться у меня нет, и я всучиваю телефон в её хиленькую ручонку, уходя оттуда прочь. Миссия выполнена. Теперь я с тебя точно не слезу, дорогуша...

Поздним вечером ищу её в соц. сетях, но нигде не могу найти. И нахер так шифроваться?! Хочу её фотки... много фоток... надо было в галерею залезть, только времени не было. Иначе истерику бы закатила.

Достаю телефон, лёжа в кровати сразу после семейного ужина, на котором родители ещё раз поздравили меня и даже удивились, что я припёр домой пятёрку по математике. Мать всё ещё контролирует это дерьмо через электронный дневник, хотя казалось бы, зачем? Я реально самый злостный прогульщик и нарушитель дисциплины из всех, что есть вокруг.

«Ты пахнешь как все мои самые порочные фантазии о тебе», – отправляю Анне Николаевне в «Телеграме» и вижу, что она прочитала это. Внутри что-то жадно скребёт. Мой живот напрягается, когда представляю, с каким видом она это прочитала. Этот её тон и выдержка. Я просто мечтаю выдолбить её так, что она перестанет мне перечить... Хотя кого я обманываю? Именно это меня и заводит. До смерти.

«Вижу прочитала. Завтра надень что-то полегче. Мне нравится видеть твои колени... А видеть тебя на них было бы ещё лучше», – отправляю следом и умираю со смеху. Не хочу ей проблем, конечно, надеюсь, она хорошо умеет прятать телефон. Если вдруг у неё есть жених, хоть от этой мысли меня и странно бросает в жар, а тело покрывается иголками. Обычно ревность – не моё сильное качество. Я перестаю испытывать интерес после того как имею кого-то... А это всегда происходит за считанные часы после знакомства, но не с ней.

Пишу новое сообщение и не выходит... Закрывает аккаунт, сучка... Ладно, по старинке.

«Хватит ломаться. Я знаю, ты и сама хочешь меня», – пишу обычное смс, и в течение секунды от неё приходит ответ.

«Сизов, я уволюсь, если ты не перестанешь».

Тут замолкаю. Довёл. Ладно... Мне ещё предстоит объясниться с ней, откуда я взял номер. Чувствую это будет как раз завтра...

Ложусь с мыслями о ней и таким стояком, что им можно разрушить несущую стену, а что с этим делать ума не приложу. Снова драть на неё? Это какой-то пиздец... Полночи мне снятся её стоны и грязные словечки с моей фамилией.

«Сизов, быстрее, сильнее, уже, туже, глубже...».

Твою ж... Да, блядь! Просыпаюсь от будильника. Сука. Кто придумал эту адскую машину смерти?! Не хочу... Хочу обратно, где преподша стонет моё имя и трётся об мой член, беспринципно посасывая мои пальцы. Блядь... Надо вставать.

Продираю глаза, всеми правдами и неправдами заставляю себя пойти в душ. Пью кофе, сидя с матерью и отцом за столом. Они смотрят на меня удивленно. За последний год это первый раз, когда я встал в пол седьмого утра сам. А суть в том, что первая пара – математика...

– Ты не заболел? – спрашивает мать и трогает мой лоб ладонью.

– Нет, – дёргаюсь назад, пытаюсь выбросить из головы пошлые картинки с участием Анны Николаевны, чёрт её дерит... Или же драть её буду я? Господи...

– Да всё с ним нормально, – отвечает отец, отпивая кофе и глядя на часы. – Так, семья, всё. Я поехал. Сегодня у меня раннее совещание.

– Удачи, – говорит мама, он чмокает её в щёку, и мы провожаем его взглядом. – Что с тобой, Дим? Всё нормально? В колледже какие-то проблемы?

– Нет, конечно, мам... Всё как обычно. Не парься, – встаю, целую её в лоб, и иду следом за отцом подальше из этой квартиры. От вопросов, от тревог и воспоминаний.

Приезжаю к пол восьмого, как долбоёб. И мнусь в машине, думая о том, что ей скажу. На соседнем сидении лежит маленькая коробочка с пончиками и кофе для неё. Блядь, это ж надо было так запасть. Она ведь совершенно простая. Красивая, да... Но... Блядь!

Бью по рулю и меня бесит, что я это испытываю. Сердце в груди делает какие-то кульбиты. Мне страшно туда идти. Только потому что я не могу себя проконтролировать. А точнее,

свой член. Он живёт своей жизнью рядом с ней и почти всегда стоит колом, как будто я ношу в кармане молоток. Что за напасть на мою голову?

Захожу в кабинет первым. Она уже сидит за столом и удивленно смотрит на меня, когда я бросаю рюкзак и плюхаюсь за первый ряд прямо напротив неё, поставив коробку перед её лицом.

– Это место Насти Арефьевой, – грубо говорит она, не здороваясь со мной и не поднимая сердитого взгляда.

– И Вам доброе утро... – твержу с издёвкой. – Думаю, она это переживёт. Как Вам сны?

– А тебе, Сизов? Экзамены не снились? – спрашивает она меня, скрещивая пальцы на столе.

– Экзамены? Ты серьезно? Мне ты снилась. Всю, блядь, ночь, – отвечаю без стеснения, зато её лицо пылает от огня, что разгорается внутри. – Ты так стесняешься, что я начинаю думать, будто ты – девственница.

– Это уже переходит все границы. Я реально увольняюсь, – начинает собираться, вынуждая меня встать и хлопнуть ладонью по столу. Вздрагивает.

– Всё. Прости. Я больше не буду. Занятия, идёт? – спрашиваю, останавливая, и медленно сажусь на место.

Она молчит и утыкается в журнал своими огромными карими. Это самые красивые глаза, которые я вообще когда-либо видел. Реально.

– Вы физмат закончили? – спрашиваю более адекватно. Она даже удивлена, что мы можем вести конструктивный диалог, и кивает. – А когда?

– Узнать мой возраст, Дмитрий, увы не получится, потому что я не скажу, – говорит она, не глядя на меня, и чуть привстаёт, чтобы взять из шкафа учебник. – Тебе бы об учёбе думать и о поступлении, а не о своих гормонах.

– Ну... Со своими мыслями я как-нибудь сам разберусь, ага? – заявляю, откинувшись на спинку стула. Сегодня на ней розовая блузка и юбка чуть длиннее прошлой, но всё равно дико сексуально. Её упругая задница в этой чёрной ткани выглядит просто изумительно. Не знаю, что бы я сделал с ней, будь она моей хотя бы на час... Она приезжает на машине? Так рано? Всегда в тонких колготках... Или же это чулки? Наверное, её подвозит хахаль...

Аня молчит, но этим только провоцирует меня сильнее. До начала пары двадцать минут, и, как назло, сюда заходит Арефьева, которая, заметив меня, теряется и не знает, куда ей деться.

– Будь добр, Дмитрий, уступи Насте её место, – вновь нагло озвучивает моя стерва. Я смотрю на неё так, что всё тело горит. Вот же хищное существо. Она уже где-то под моей кожей. Забралась так глубоко, что не вытащить.

– А я подвинусь, ты же не против? – смотрю на Настю, которая стоит чуть ли не с высунутым языком и кивает. – Насть, намочи тряпку, а... Тут что-то пыльно. – сгоняю её с места, лишь бы она временно покинула нас, и та послушно уходит, вынудив меня улыбнуться и прилипнуть взглядом к Аниным растерянными глазами. Роняю голову под стол, пока она недоумевает и молчит, а я озвучиваю то, что вижу. Колени. Гладкие, ровные, идеальные, блядь. – Твою мать, Ань... Ну нельзя ведь быть такой жестокой, да? Как тебя жених вообще отпускает в таком виде? – спрашиваю, заставив её нервно встать со стула. Она так испуганно на меня смотрит и дёргается, убегая прочь из кабинета.

Блин, вот этого я явно не ожидал. Перегнул? Возможно...

Время без пяти, пол группы уже на месте, а я всё жду её, тревожно думая о том, что наговорил ей. К чёрту. Пойду извинюсь. Выхожу в коридор, оглядываюсь, она стоит в самом конце, практически за углом, и с кем-то ругается по телефону. Что ещё за херня... Подхожу ближе. Глаза все в слезах, и я не понимаю, что происходит, когда она кладёт голову на моё плечо и плачет, вынудив меня коснуться её спины.

– Эй... Да что такое-то? Ань...

– Извини, – хнычет она, уткнувшись в меня носом, и я ощущаю, как бешено колотится её сердце, а запах её волос сводит меня с ума так, что еле сдерживаюсь. Ей же плохо. Нахер, Митя, держи себя в руках. – У меня мама при смерти...

Бляяаядь... Вот я кретин. Слышать это и неприятно, и больно одновременно. Я же не понаслышке знаю, что такое терять... Слегка касаюсь её лопаток рукой. Даже на каблуках она намного ниже меня. Маленькая. Хрупкая. Беззащитная. Не пойму только одного. Мама при смерти, кольцо на пальце. А с кем ругалась то...

– Всё будет нормально. Чем я могу помочь? – хмурюсь, чувствуя, как она отодвигается от меня в растерянности.

– Ничем, извини, пожалуйста. Этого вообще не должно было произойти, – тараторит она, пытаюсь удрать, но нет уж. Хватаю её за тонкое запястье.

– Стой. Давай по-нормальному. С кем ругалась? Что конкретно с твоей матерью? – спрашиваю, заставив её замолчать. Она с трудом начинает отвечать мне, и я вижу, что совсем не хочет этого...

Глава 4. Аня

Я стою и смотрю на себя в зеркало, намазав губы нюдовой помадой. По щекам льются слёзы. Не знаю, как идти на работу. Всё нутро выворачивает. Мама совсем плоха. Рак не щадит никого. Чувствую, что у меня не осталось поддержки, но всё ещё ношу кольцо Игоря, которое он мне подарил...Надеваю его периодически, вспоминая о том, что когда-то ему верила. Он ведь был моим женихом. Сразу после окончания университета, когда мне был двадцать один год, он сделал мне предложение. На тот момент наши отношения длились полтора года, я сказала «да», а затем заболела моя мама, нам стало не до свадьбы. Якобы я стала уделять ей слишком много времени, в его понимании. А он совсем не помогал, только пропадал где-то и спускал все деньги не пойми куда. Через некоторое время я застучала его у нас в квартире с коллегой, когда вернулась раньше времени, чтобы привезти маме дорогостоящую обезболивающую мазь, что заказывала для себя в Японии. Я даже ничего не сказала. Прошла мимо них, взяла мазь и уехала в состоянии безмолвного шока. Наверное, уже тогда нужно было выбросить кольцо, но я не смогла. Он извинялся, клялся, что этого больше не случится, только гордость было не собрать в кулак. Я знала, что браки строятся на боли и терпении, мать всегда говорила мне это, а в любовь я и не верила. Никогда. Лишь поэтому пыталась дать ему второй шанс или же уже третий, но он снова поступает со мной как с дерьмом, вытирая об меня ноги и позабыв помочь с перевозкой мамы в другой медцентр. «Я занят», – приходит очередное, вынуждая меня думать самые плохие вещи. А я ведь напоминала о матери вчера и он сказал, что поможет. Только вот он просто не хочет её видеть, хотя мама у меня спокойная и уравновешенная женщина, никогда и слова поперек ему не сказала. Однако он и знакомиться-то с ней не хотел.

На улице всё в снегу. Нужно добираться на работу, к детям. Взять себя в руки, а после помогу матери сама, в конце концов, что мы не справимся? Снова вызываю такси и еду на работу, увидев в телефоне сообщения от Сизова. Глупый мальчишка с комплексом Бога. Как же просто таким жить...Красивым, богатым, без каких-либо проблем, зато с кучей перспектив и амбиций на будущее.

Я прекрасно осознаю, что он делает. Пытается поставить очередную галочку в своём «резюме», только вот я с такими кобелями уже имела дело. Знаю я что это такое. Тестостерон с него просто хлещет. Зелёные глаза каждую пару прожигают меня со всех сторон и это ужасно тяжело, потому что он не выглядит на свои года. Он не выглядит как школьник или студент, а с его хрипотцой в голосе я вообще забываю о том, где мы находимся. Так было и в первый раз, когда я услышала его голос. Не знала бы – подумала, что тоже молодой преподаватель...

Наша разница в возрасте – пять лет. И это не мало, если смотреть по меркам преподавателя и студента. Но уважения от него я не добьюсь. Отчасти я ношу кольцо поэтому. Чтобы не приставал. Хотя и это не работает так, как хотелось бы. Он настойчив и абсолютно аморален. Настолько, что я порой краснею от его грязных комментариев.

Приезжаю ранним утром, захожу на кафедру и беру ключ, поздоровавшись с преподавателем истории. Он почти всегда приезжает раньше всех. Знаю, что надо на пару, но ноги не слушаются. Не хочу идти туда из-за Сизова. А мне нужно прийти пораньше, чтобы проверить самостоятельные для второй пары, что я и делаю, стиснув челюсть.

И нет ничего ужаснее встретить его среди первых, с кем приходится переплестись взглядами. Это просто фиаско. Особенно после тех пошлых сообщений. А то, как он себя ведёт, совершенно выбивает меня из равновесия, с учётом того, что произошло утром. Я просто не могу настроиться на сегодняшний день, мне и так плохо, а тут ещё он. Обычно приходит без пяти или вообще не появляется, а тут словно специально явился раньше всех, мне назло, да вдобавок нацепил на себя чёрную рубашку, расстёгнутая пуговица которой заставляет смотреть на его ямку под кадыком.

Выбегаю в коридор после нашего диалога и набираю номер Игоря. Просто чтобы спросить его, а действительно, как он меня отпускает в таком виде? Может всё дело в том, что ему на меня просто насрать? Так как нужно беспокоиться ещё и за мою умирающую маму? А он в это время очень сильно занят чем-то. И как я могла довериться ему столько лет своей жизни? Если ему настолько похрен на мои чувства внутри... Но самой вишенкой служит то, что трубку берет какая-то очередная девица. А я даже дышать не могу, когда слышу её голос. Это как будто тебя неожиданно бросили в ледяную воду, дар речи пропадает и воздух из лёгких тоже.

– Хватит названивать, – заявляет она, вызвав у меня приступ ярости. Я даже не знаю, что на меня находит, но на этот раз всё зашло слишком далеко.

– Значит, пока я ухаживаю за мамой, Игорь у Вас? – спрашиваю дрожащим голосом. Всё внутри переворачивается. – Как Вам не стыдно?! Вы же знаете, что у него есть невеста.

– Слушай, дорогуша. Ему не нужно всё это. Невеста... Пф... Эти сложности... Я не хотела говорить, просто мне тебя жаль, – объясняет девушка на том конце провода. – Он сейчас в душе... Не звони больше.

Она кладёт трубку, и я начинаю реветь в истерике, после чего за мной выходит Сизов. Только, блин, не это. Не знаю, почему я так сдаюсь, просто сил совсем не осталось. А ещё и слушать его колкости я просто не выдержу. Он хмурится и спрашивает, что случилось. Густые брови сходятся в линию, а на переносице образуется морщинка. Не могу ему ответить, не могу говорить и вообще дышать не могу. Склоняю к нему голову и слышу, как сердце разрывается от стука в грудной клетке. От него так вкусно пахнет, что я даже пошевелиться не могу. Нюхала бы и нюхала без остановки. Боже, да что я такое несу?!

Чуть отстраняюсь, а он смотрит на меня и держит за запястье, чем ещё сильнее выбивает меня из колеи, и поэтому я просто разворачиваюсь и убегаю оттуда, наплевав на пару как глупая дурочка. Около получаса реву в подсобке и думаю о том, что осталась совсем одна в мегаполисе, где у меня никого нет, а маму надо поднимать... Перестаю чувствовать свои ноги от страха и стыда, но надо идти в кабинет. Вытираю глаза, а выглядит всё равно ужасно. Будто я плакала неделю не переставая.

Как на казнь иду обратно, думая, что все разбежались от радости, и я сорвала пару, но Сизов стоит у доски и что-то им объясняет, пока я замороженно смотрю на него через небольшое окно в двери. Что он вообще делает? Сумасшедший, блин. Захожу, глядя на своих подопечных, и он улыбается мне какой-то безумной улыбкой.

– О... Анна Николаевна... А я Вас подменил, – сообщает он, когда я прохожу к своему столу.

– Спасибо, – говорю ему искренне, хоть и понимаю, что это всего лишь чувство вины за то, что он будто довёл меня до слёз, хотя это вовсе не так, просто всё навалилось. В другой ситуации я бы давно устроила ему веселую жизнь и слезинки бы не проронила, но не сейчас, когда я разбита надвое.

Он будто случайно касается моей руки, но я знаю, это специально. Кладёт ручку на стол возле меня.

– Не за что. Для Вас что угодно и это, кстати, тоже, – говорит шёпотом и двигает мне со своего стола коробочку с надписью Donutto. Я знаю эту кофейню. Бывала там. Замираю и чувствую, как вкусно от неё пахнет.

Меня начинает трясти от его неоднозначных намеков и моей реакции на его даже секундные прикосновения. Довожу лекцию до конца и очень быстро звенит звонок, наконец расслабляя меня. Но мой мучитель сидит напротив и конечно же дожидается, когда все выйдут. Дима подходит ко мне и смотрит выжидающим взглядом.

– Ну... Я жду, – говорит он, оперевшись на столешницу. Сейчас его руки кажутся мне какими-то аномально большими и крепкими.

– Что? – спрашиваю, складывая журнал в ящик. Стараюсь выглядеть невозмутимо, чтобы он не думал, что я такая слабая, но, видимо, уже поздно что-то из себя строить.

– Ань. Слушай, я понимаю. Студент и всё такое. Какая помощь тебе нужна? Давай я помогу, – настойчиво предлагает он, как будто ему нечем заняться в пятничный вечер.

– Самой лучшей помощью для меня будет, если ты перестанешь думать о глупостях и будешь жить обычной привычной для тебя жизнью. Не будешь приносить мне всякие подарки. Забери это, – встаю, но он перегораживает мне путь. Какой же он всё-таки высокий и плечистый. С ума можно сойти.

Его густые брови снова выстраиваются в хмурую линию. Он так недоволен и зол, что даже мне – теперешней злоке, непривычно видеть такое выражение лица.

– Мир перевернётся, если ты позволишь тебе помочь или что произойдёт? – спрашивает он, рассматривая моё лицо. – Может это противоречит твоим феминистическим взглядам?

Вынужденно смеюсь от этого вопроса. Очень оригинально звучит, признаю.

– Дмитрий...

– Митя, – перебивает меня, заставив вздохнуть.

– Послушай, Митя... Это всё не твои проблемы, понимаешь? Я – взрослый человек со своей жизнью...

– Ты – взрослый человек со своей жизнью, который ведет себя как ребенок и элементарной помощи принять не может, которая ему нужна. Иначе чё ты ревёшь каждый день и ходишь на работу, словно умирающий лебедь? Где лежит твоя мама? Я, нахер, сам узнаю, – психованно дёргается он, заставив меня разволноваться. Я вообще не видела такой реакции, пожалуй, никогда. И явно её не ожидала. Он так злится на меня из-за того, что я не говорю или что...?

– Послушай. Не надо ничего узнавать. Сегодня мне нужно перевезти её в другой медицинский центр, а на улице гололед. Такси всегда неохотно едут... Поэтому...

– И всего лишь? – спрашивает он, суксив лицо. – Ты что... Ненормальная? Попросить не могла, чтобы я тебя довез?

– Слушай, Сизов...

– Ань... Ты прости, но это хуйня какая-то. Сними уже эту дешёвку со своего пальца, ладно? Потому что нечего ей там делать. Во – первых, ты достойна большего, чем эта побрякушка, а во-вторых, большего, чем такси для своей матери. Ок? – спрашивает он, заставив меня – взрослую девушку проглотить язык от его напористости. Я буквально проваливаюсь куда-то, хлопая ресницами и не понимая, что происходит. – До сколько у тебя пары?

– До пяти, – отвечаю кое-как шевеля языком.

– Чудно. Дождусь тебя в пять возле выхода, думаю, машину видела, – заявляет его наглый тон, пока я всё стою как вкопанная и смотрю вслед его уходящей фигуре.

Глава 5. Дима

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.